

Ништадтский мир и его роль в становлении российской государственности в период с 1721 по 1917 гг.

О.В. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Статья посвящена изучению роли и значения Ништадтского мира как исторического документа, отражающего усиление роли и значения России на мировой арене, следствия развития отечественной дипломатии.

Целью работы выступало изучение текста исторического документа на основании применения современных методов политологических исследований: контент-анализа, когнитивного картирования, фоносемантического анализа. В результате изучения документа можно сделать вывод, что Ништадтский договор выступает отражением особенностей становления внутренней политической системы России, что находит своё отражение в особенностях употребления антропонимов. Важно подчеркнуть, что анализ текста исторического документа отражает особенности исторического развития России: её постепенной трансформации в империю, отсутствия банковской системы, купечества как сословия, купеческого флота — всё это и многие иные особенности развития России в той или иной степени нашли своё отражение в соглашении. При этом анализ документа позволяет сделать вывод, что соглашение регулирует взаимодействия не только между Россией и Швецией, но содержит отсылки к иным странам Европы, что говорит о выходе России на международную арену и усилении её роли, причём не только и не столько военной, но и дипломатической, что находит своё отражение в особенностях вербализации соглашения.

Результаты фоносемантического анализа отражают позитивное восприятие номинаций географических объектов, присоединённых к России по условиям Ништадтского мира. При этом восприятие Швеции, всего шведского отличается негативизмом. В целом, выводы, полученные в результате исследования, позволяют подтвердить сложившееся в отечественной историографии представление о высокой значимости, важности Ништадтского мира для дальнейшего развития России, её превращения в империю, во влиятельную военную силу, инициации модернизации внутренней системы управления, создания новых социальных институтов и практик, а также усиления отечественной дипломатии, но при этом получены они были при помощи применения современных методов исследования, позволяющих выявить дополнительные смысловые нюансы, оттенки исторического документа.

Ключевые слова: Северный союз, Пётр I, Ништадтский договор, Швеция, Россия.

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 07.11.2021

Принята к публикации: 02.12.2021

Северная война стала поворотным пунктом в истории развития многих стран Северной и Восточной Европы. Преодоление конфликта потребовало заключения ряда военно-политических договоров между Россией и другими странами. Военные действия повлекли за собой фундаментальные структурные изменения на политической карте мира. Для России итогом участия в войне стало не только возвращение ранее изученных территорий, но и превращение в великую державу. Важно отметить, что для России Северная война стала стимулом модернизации по европейскому образцу.

Несмотря на то что проблематика Северной войны, её причин, военных тактик, применяемых странами, последствий поражения Швеции является достаточно изученной, как правило, дипломатическая составляющая вопросов «войны и мира» остаётся на периферии научного внимания. Учёные подчёркивают, что подписание Ништадтского мира стало новой эрой в развитии отечественной дипломатии, повысило авторитет, статус России на международной арене, что, в свою очередь, потребовало изменений дипломатических стратегий и тактик, однако фундаментальные исследования самого Ништадтского договора не представлены, анализ деятельности отечественной дипломатии остаётся фрагментарным. Кроме того, как правило, Ништадтский договор привлекает внимание историков в аспектах деятельности Карла и Петра, работы, направленные на изучение текста самого договора с привлечением современных методов исследования документов практически не представлены. Соответственно, целью исследования выступает изучение текста Ништадтского договора на основании применения контент-анализа, компьютерных методов анализа текста.

При этом исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: действительно ли Ништадтский договор отразил усиление роли, значимости России на мировой арене и как это отразилось в соглашении, нашло своё закрепление в дипломатической документации?

Как было сказано, на протяжении длительного времени тематика Северной войны привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. В шведской историографии XIX ст. в рамках возглавляемой Йерне «Новой школы» историков рассматривались причины поражения Швеции в результате влияния совокупности факторов: невыгодной международной обстановки, неблагоприятного стечения обстоятельств, роковых случайностей (Эрикссон 2009). Пристальное внимание проблематике Северной войны и условиям заключения Ништадтского мира уделялось крупнейшими учёными, сгруппировавшимися вокруг «Ежегодника Каролинского общества» (Эрикссон 2009). Они изучали особенности экономик и военных стратегий стран, втянутых в войну. Отдельно изучалась роль Карла XII, который чаще всего представал перед читателем как «чудо добродетели и в то же время источник несчастий, постигших Швецию» (Цит. по Беспалов 2019: 10). В шведской историографии периода «старой школы» детальному рассмотрению подвергаются преимущественно военные стра-

тегии и тактики, роль личности в истории, дипломатические вопросы заключения Ништадтского договора исследуются фрагментарно.

Начиная с 1890-х гг. на первый план стала выдвигаться мысль о величии Карла, который всё чаще был представлен как крупный государственный деятель. Например, бестселлером дважды становилась книга Франса Г. Бенгтсона «Жизнь Карла XII», которая была опубликована в 1935 и 1936 гг. и оказала огромное влияние на восприятие шведами образа Карла (Bengtsson 1960). По мнению автора, Карл — это, прежде всего, герой, гений. Соответственно, рассматривать негативные последствия его правления для страны неуместно.

В отечественной историографии история Северной войны также неоднократно становилась предметом научных исследований. Одна из первых работ появилась непосредственно в годы самой войны, в 1713 г., когда в свет вышла «Книга Марсова или Воинских дел...». Книга содержала репортажи и гравюры о победах русского оружия в войне со Швецией, непосредственное участие в создании книги принимал Пётр I (Книга 1776).

На протяжении XIX — начала XX вв. изучением Северной войны занимались такие исследователи, как В.И. Баскаков (Баскаков 1890), П.О. Бобровский (Бобровский 1881), А.З. Мышлаевский (Мышлаевский 1893, 1896). Труды основывались на скрупулёзном исследовании первоисточников, но при этом в центре внимания авторов была преимущественно проблема формирования российской армии, вопросы дипломатии, особенностей заключения соглашений если и рассматривались, то фрагментарно, во взаимосвязи с усилением военной мощи России.

В советские времена вопросами заключения международных договоров, соглашений занималась в научном плане Т.К. Крылова (Крылова 1940; 1942; 1946). Развитие системы международных отношений и особенностей российской дипломатии получило своё освещение в работах В.Д. Королюка (Учёные записки Института славяноведения 1951).

Огромный вклад в развитие системы представлений о роли и значении исторического периода был внесён А.А. Сванидзе (Из ранней истории шведского народа... 1999), В.Е. Возгриным (Возгрин 1986). В работах учёных раскрываются основные тенденции экономического, социального, политического развития скандинавских стран, вопросы развития отечественной дипломатии затронуты фрагментарно.

В начале нового столетия проблематика Северной войны не утрачивает актуальности: появляются работы В.А. Артамонова (Артамонов 1990; 2007; 2008), А.В. Беспалова (Беспалов 2008а; 2008б; 2008в; 2019), Б.Н. Григорьева (Григорьев 2006), П.А. Кротова (Кротов 2004; 2009) К.В. Татарникова (Татарников 2008) и др. Каждая из представленных работ отличается высокой научной новизной, привносит новое понимание тех или иных аспектов Северной войны и Ништадтского мира, но, к сожалению, текст самого договора остаётся на периферии научного внимания. Учёные акцентируют внимание на результатах соглашения, на возвращении Россией территорий, усилении влияния государства

на международной арене и т.д., т.е. на основных итогах договора, но сам договор исследованию не подвергается.

В последнее десятилетие рост научного интереса к исследованию проблематики Северной войны снизился. Как отражает анализ интернет-платформы elibrary.ru, за период с 2011 по 2021 гг. на площадке было представлено лишь одно исследование, посвящённое Северной войне (Иванюк 2016), в котором изучаются стратегии и тактики проведения военных операций. В то же время исследования исторических личностей, деятельность которых в той или иной степени привела к Северной войне, остаются актуальными. Например, в 2019 г. вышло исследование А.В. Беспалова, направленное на изучение роли Карла XII как полководца (Беспалов 2019).

В целом даже краткий обзор литературных источников позволяет сделать вывод, что ни в отечественной, ни в зарубежной литературе современные методы исследования к изучению текста Ништадского мира не применялись. Между тем обращение к современным методам позволит взглянуть по-новому на содержание договора, выявить семантические аспекты, которые не были очевидны ранее, смысловые нюансы, которые позволят лучше понять, каким образом в тексте соглашения отражается усиление роли и значения России на международной арене. Кроме того, исследование текста договора предполагает и выявление восприятия важных смысловых аспектов, смысловых узлов документа в общественном сознании.

На основании вышесказанного гипотезы исследования могут быть сформулированы следующим образом:

H1: *применение современных методов исследования к изучению исторических документов позволит выявить новые смысловые нюансы текста или подтвердить результаты исследований, проведённых ранее, посредством приведения новых данных;*

H2: *текст Ништадтского соглашения отражает усиление роли и значения России на международной арене, что находит своё отражение в особенностях вербального оформления документа.*

В качестве основных методов исследования текста документа были выбраны следующие:

Контент-анализ — «систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нём словосочетаний или сюжетов» (Бахлов, Напалкова 2011: 15); «анализ, основанный на исследовании слов, тем и сообщений», который «сосредоточивает внимание исследователя на содержании сообщения, на том, о чём в нём говорится» (Бахлов, Напалкова 2011: 15). Количественный контент-анализ осуществлялся на основании применения программы Yoshikoder – «методики контент-анализа текста, включающей разработку и использование словарей, автоматический поиск, по ключевым словам, в контексте» (Митина, Евдокименко 2010: 33). В процессе проведения количественного анализа предполагается выявление числен-

ности, особенностей употребления онимов, имён собственных, прежде всего, антопонимов (что позволит выявить роль личности в заключении договора) и топонимов (что позволит очертить географический охват соглашения, страны, интересы которых в той или иной степени затрагивал Ништадтский мир);

Когнитивное картирование — выявление восприятия коммуникантами определённых политических проблем путём анализа текстов (Бахлов, Напалкова 2011: 15). Метод когнитивного картирования позволяет выявлять основные понятия, причинно-следственные связи между ними, визуализировать результаты исследования. В процессе визуализации использовалась технология Google.

Важно добавить, что сегодня контент-анализ и когнитивное картирование широко применяются при изучении политической, дипломатической коммуникации, например, в работах И. В. Бахлова, И.Г. Напалковой (Бахлов, Напалкова 2011: 15), В.М. Сергеева, Е.С. Алексеенковой (Новое пространство мировой политики... 2011).

Фоносемантический (ФС) анализ позволит выявить особенности восприятия ключевых смысловых лексем – узлов текста россиянами. Сущность анализа заключается в оценке звучания текста, отдельных лексем безотносительно к его содержанию на основании сопоставления по ряду биполярных шкал (Журавлёв 1991). В работе используется программа Vaal, разработанная Б.И. Шалаком и соавторами в 2001 г.¹. Программа позволяет выявлять восприятие лексем, оценивать влияние слова на личность, «осуществлять полноценный контент-анализ текста по большому числу специально составленных встроенных категорий и категорий, задаваемых самим пользователем»². Иными словами, применение метода позволит дополнить, уточнить данные, полученные в результате применения контент-анализа и когнитивного картирования. Как и приведённые выше методы, фоносемантический анализ сегодня широко применяется для изучения различных форм коммуникации.

Соответственно, диагностический инструментарий исследования представлен в Табл. 1:

Таблица 1. Диагностический инструментарий исследования
Table 1. Diagnostic research tools

Метод	Цель	Технология
Контент-анализ	Количественный анализ, выявление (1) имён собственных, представленных в договоре и, как следствие, исторических личностей, так или иначе принимавших участие в договорённости, стран, интересы которых в той или иной степени затрагивало соглашение; (2) топонимов, отражающих географический охват соглашения	Yoshikoder
Когнитивное картирование	Выявление взаимосвязей между смысловыми узлами, их визуализация	Google
Фоносемантический анализ	Выявление восприятия, оценивания смысловых узлов	Vaal

¹ Ваал. Доступно по адресу: <http://www.vaal.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).

² Там же.

Проведение исследования предполагает применение количественных и качественных методов, что способствует «консолидации сильных сторон обоих методов» (Кошарная, Кошарный 2016: 118), обеспечивает соответствие принципу триангуляции.

Материалом для исследования является текст самого соглашения (Ништадтский мирный договор... 1992).

История подписания Ништадтского мира

В последние годы Северной войны Россия и Швеция активно искали мира после двух десятилетий боевых действий. Первая попытка заключения мира в 1718 г., получившая название Аландский конгресс, не позволила найти компромиссных решений.

Ответственным за переговоры со Швецией в 1718 г. был советник канцелярии А.И. Остерман, действовавший на этом поприще совместно с Я.В. Брюсом.

При рассмотрении русско-шведских переговоров нельзя проигнорировать действия шведского министра Гёрца, одного из наиболее приближенных к королю Карлу XII при дворе. Он не просто выступал за скорейший мир с Россией, но и смог донести до Карла выгоду подобного шага, убедив последнего в необходимости мира, даже на русских условиях. Гёрц предлагал отказаться от всех прибалтийских владений короны. В его планах было объединение рукой Карла XII всех скандинавских земель, возврат утерянных территорий в Германии с последующим ударом по Англии. Добиться этого можно было только при наличии мощной и большой армии, а получить её министр предлагал за счёт союза с Петром I и его практически безграничными человеческими ресурсами.

На первых порах стороны предъявляли взаимоисключающие условия мира. Российская делегация требовала сохранения за собой всех завоёванных на момент территорий, а шведская — возврата всех утраченных территорий под контроль Швеции. При этом каждый предъявлял собственные аргументы в пользу своей точки зрения.

Пётр требовал от своих уполномоченных гибкости действий, наделял их внушительными полномочиями, вплоть до права обещаний возмещения территориальных потерь. Общая же позиция строилась на том, что мир является желанным решением вопроса, но и войну в Санкт-Петербурге готовы продолжать. Вместе с письмами ко всей делегации А.И. Остерман получил от царя и отдельное письмо, в котором ставилась конфиденциальная задача войти в доверие к Гёрцу, обещая ему личные дары и награды за сговорчивость на переговорах.

В частных беседах российскому дипломату стало известно о бедственном положении страны, резком снижении численности населения, экономических проблемах, голоде, разорении, минимальной поддержке населени-

ем короля. Война, по словам И.И. Ростунова, «унесла тысячи человеческих жизней. Хозяйственная жизнь страны замерла» (Ростунов 1987: 178). Шведский министр раскрыл и свои планы. Они предусматривали предоставление Петром I в обмен на земли союзный договор и 150 тысяч солдат для войны с Польшей, Германией, Данией, Англией. А.И. Остерман прекрасно осознавал как нереальность планов Герца, так и необходимость завершения войны «здесь и сейчас».

Нуждался в мире и Пётр I, поэтому в своих письмах к А.И. Остерману он запрещал дипломату открыто отказываться от предложений Гёрца. В письмах П.П. Шафирову дипломат указывал на свою крайнюю степень усталости от переговорного процесса, протекающего максимально сложно. В условиях серьёзнейших противоречий, способных кардинально изменить ход истории всей Европы, произошло чудо: жизнь Карла XII оборвалась от случайной пули, попавшей в него во время осады одной из крепостей на территории Норвегии. Вместе с ней оборвался и Аландский конгресс, завершившийся ничем. Ушли с повестки дня и идеи Гёрца, но невозможность найти компромисс привела к тому, что война продолжалась ещё больше двух лет.

В 1721 г. начались новые российско-шведские переговоры, результатом которых стало заключение Ништадтского мира. Подписание договора в финском городе Ништадт положило конец одной из самых продолжительных войн в истории России, продлившейся более 20 лет. Продолжавшийся более трёх лет переговорный процесс сопровождался двукратной сменой политического режима в Швеции и в общем значительными политическими изменениями в государствах Северной Европы.

Ништадтский мир был заключён на выгодных для России условиях. Государство приросло обширными пространствами Эстляндии, Ингерманландии и Лифляндии, городами Выборг и Кексгольм в Финляндии, смогло окончательно укрепиться на берегах Балтийского моря, встав в один ряд с великими державами Европы (Ростунов 1987: 178). В свою очередь за территориальные уступки Швеция получила денежную компенсацию в размере 2 миллионов ефимков, а также возможность без уплаты пошлин проводить закупки зерна в портах Риги и Ревеля. Ништадтский мир стал настоящим успехом отечественной дипломатии, завершив длительную и кровопролитную войну с сильным соперником.

Ништадтский мир: отражение усиления России и роли личности в истории

Представляется целесообразным выявить особенности употребления имён собственных, антропонимов, в тексте соглашения. На начальном этапе работы осуществляется количественный анализ употребления лексем (Табл. 2):

Таблица 2. Количественное употребление антропонимов в тексте Ништадтского мира

Table 2. The quantitative use of anthroponyms in the text of the Nystadt peace

Антропоним	Кол-во	Частота, %
Фридрих	5	0,10
Иоган	4	0,8
Брюс	3	0,6
Петр	3	0,6
Остерман	3	0,6
Лилиенстет	3	0,6
Штремфельт	3	0,6
Андрей	2	0,4
Гендрих	2	0,4
Даниэль	2	0,4
Рейнгольт	2	0,4
Яков	2	0,4
Каролус	1	0,2
Ульрика	1	0,2
Элеонора	1	0,2

Анализ антропонимов позволяет сделать вывод, что в тексте соглашения фигурируют следующие исторические лица: (1) Г.И.Ф. Остерман (0,6%), (2) Пётр Первый (0,6%), (3) Фридрих Первый Свейский (0,6%), (4) Я.Д. Брюс (0,6%), (5) О.Р. Штремфельт (0,6%), (6) И. Лилиенстет (0,6%), (7) Ульрика Элеонора Свейская (0,2%), (8) Карл XII (0,2%).

В графическом виде количественное распределение упоминаний об исторических личностях представлено на Рис. 1:

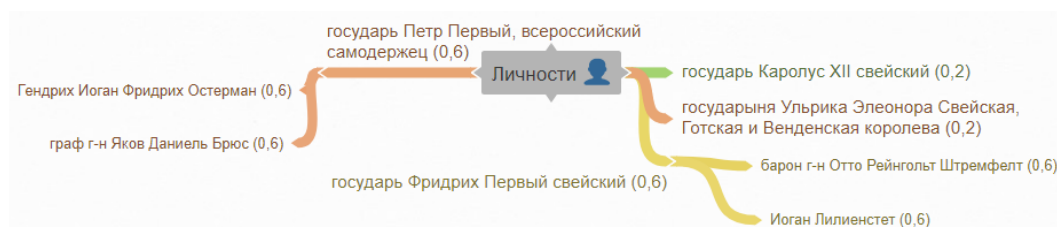

Рисунок 1. Распределение антропонимов в тексте соглашения
Figure 1. Distribution of anthroponyms in the text of the agreement

Чаще всего обращение к именам исторических личностей обусловлено требованиями дипломатического этикета, предполагающего полную номинацию званий и должностей лица, уполномоченного заключать договор от имени государства, например:

Мы, Фридрих, Божьей милостью король шведский, готский и венденский и проч., и проч., и проч., объявляем, что понеже между нами и короной шведской с одной, и Божьей милостью с пресветлейшим и державнейшим царем и

государем, государем Петром Первым, всероссийским самодержцем, и проч., и проч., и проч., и с государством Российским, с другой стороны — употребление полного титула представителей договаривающихся сторон направлено на устранений любой двузначной интерпретации условий соглашения, ошибочной интерпретации или сознательных манипуляций.

В то же время со шведской стороны отмечается дополнительное обращение к именам Ульрики Элеоноры Свейской и Карла XII.

Ништадтский мир: географический охват

Количественное распределение топонимов, прилагательных, отражающих принадлежность объекта к той или иной географической площади, представлено в Табл. 3:

Таблица 3. Количественное употребление топонимов в тексте Ништадтского мира

Table 3. The quantitative use of toponyms in the text of the Nystadt peace

Топоним	Кол-во	Частота, %	Результаты ФС анализа
свейский (устар. шведский)	55	1,1	Шероховатое, низменное, слабое, тихое, трусливое, хилое, маленькое, быстрое
российский	23	0,46	Шероховатый, маленький, подвижный, быстрый
Швеция	7	0,14	Плохая, шероховатая, тёмная, низменная, тихая, тусклая
Выборг	6	0,12	Величественное, грубое, мужественное, сильное, громкое, храброе, могучее, большое
шведский	6	0,12	Плохой, шероховатый, низменный, слабый, тихий, маленький, тусклый
венденский	5	0,10	Слабый, маленький,
готский	5	0,10	Шероховатый, угловатый, тихий, подвижный, быстрый
Лифляндия	5	0,10	Тихая, медлительная
Ништадт	5	0,10	—
Эзель	5	0,10	Хороший, красивый, безопасный, округлый, светлый, сильный, громкий, большой, яркий
Эстляндия	5	0,10	Хорошая, красивая, безопасная, округлая, светлая, величественная, сильная, громкая, храбрая, большая, медленная, яркая
кексгольмский	4	0,8	Плохой, шероховатый, угловатый, низменный, слабый, горячий, тихий, трусливый, хилый, маленький, подвижный, быстрый, тусклый
Финляндия	4	0,8	Плохая, сложная, шероховатая, тёмная, низменная, нежная, женственная, слабая, горячая, тихая, трусливая, хилая, маленькая, медлительная, медленная, пассивная, тусклая, печальная
финляндский	4	0,8	
финский	3	0,6	
великобританский	3	0,6	—
всероссийский	3	0,6	Шероховатый, маленький, быстрый
Ревель	3	0,6	Величественный, мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, активный, яркий
Далерн	2	0,4	Хороший, красивый, величественный, грубый, мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, большой, активный, яркий, радостный
лифляндский	2	0,4	Слабый, хилый, тихий
Нарва	2	0,4	Хорошая, простая, величественная, грубая, мужественная, сильная, громкая, храбрая, могучая, большая, активная, яркая

Топоним	Кол-во	Частота, %	Результаты ФС анализа
Рига	2	0,4	Шероховатая, угловатая, громкая, подвижная, быстрая, активная, яркая, радостная
римский	2	0,4	Шероховатый, угловатый, слабый, маленький, подвижный, быстрый
Россия	2	0,4	Величественная, мужественная, сильная, холодная, храбрая, могучая, яркая
эстляндский	2	0,4	Хороший, красивый, безопасный
Амстердам	1	0,2	Хороший, мужественный, могучий
Аренсбург	1	0,2	Мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, большой, активный, яркий
Берлин	1	0,2	Безопасный, весёлый, подвижный, быстрый, яркий
Брауншвейг	1	0,2	Грубый, мужественный, сильный, могучий, подвижный
Виллаиоки	1	0,2	Нежная
Вирелакс	1	0,2	—
выборгский	1	0,2	Быстрый
Гамбург	1	0,2	Угловатый, злой, мужественный, сильный, холодный, могучий, большой, подвижный
Даго	1	0,2	Красивый, простой, величественный, грубый, мужественный, сильный, холодный, громкий, храбрый, могучий, большой, подвижный, быстрый, активный, яркий
датский	1	0,2	Шероховатый, угловатый, подвижный, быстрый
Дерпт	1	0,2	Маленький, маленький, подвижный, быстрый, активный
Дюнаминд	1	0,2	Хороший, красивый, безопасный, добрый, светлый, нежный, женственный, весёлый, радостный
Ингерманландия	1	0,2	Безопасная, яркая
ингерманландский	1	0,2	—
Карелия	1	0,2	Хорошая
Кексгольм	1	0,2	Плохой, шероховатый, угловатый, низменный, слабый, горячий, тихий, трусливый, хилый, маленький, подвижный, быстрый, тусклый
курляндский	1	0,2	Быстрый
Лапстранд	1	0,2	Хороший, величественный, грубый, мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, большой
Лейпциг	1	0,2	Тихий, маленький
Лондон	1	0,2	Хороший, красивый, величественный, грубый, мужественный, сильный, холодный, громкий, храбрый, могучий, большой, яркий
Куду Макуба	1	0,2	Мужественный, холодный, большой
Порозрви	1	0,2	Мужественный

Результаты количественного анализа позволяют сделать вывод, что абсолютное большинство лексем связаны со странами, достигшими соглашения: Россией (Россия, российский, всероссийский) и Швецией (свейский, Швеция, шведский), однако при этом численность единиц, связанных со Швецией, намного больше: их суммарное количество достигает 68, доля в тексте — 1,36%, тогда как численность лексем, связанных с Россией, составляет лишь 28 единиц, а доля в тексте — 0,56%.

При этом большинство номинаций, связанных со Швецией, направлены на репрезентацию либо исторических личностей, так или иначе вовлечённых в события Северной войны и заключение Ништадтского мира, либо на отражение атрибутов государства (Рис. 2):

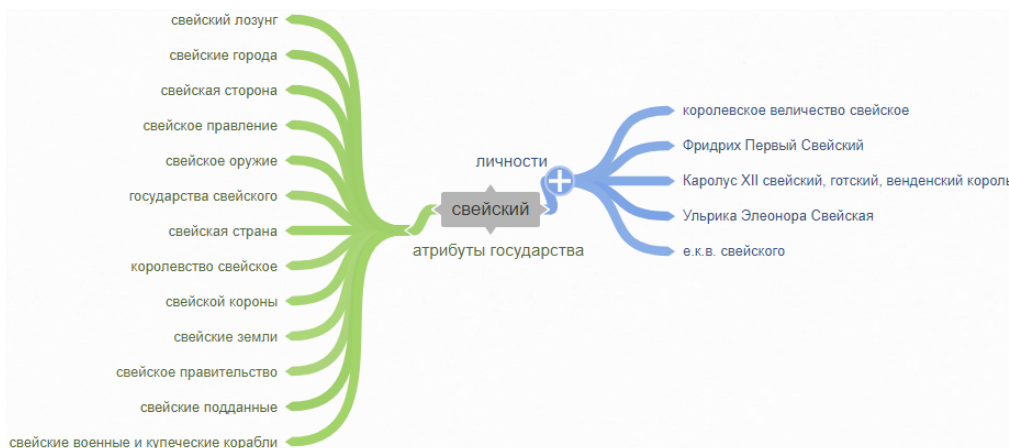

Рисунок 2. Результаты когнитивного картирования лексемы «свейский»
Figure 2. Results of cognitive mapping of the lexeme "sveisky"

Результаты когнитивного картирования позволяют сделать вывод, что, помимо обращения к политическим деятелям, *свейский* используется для номинации государственных атрибутов: *свейская сторона, свейская страна, свейское государство, свейское королевство, свейские земли, свейские города, свейские подданные, свейское правление, свейское правительство, свейское оружие, свейские корабли, свейский лозунг.*

Результаты когнитивного картирования лексемы «русский» представлены на Рис. 3:

Рисунок 3. Результаты когнитивного картирования лексемы «русский»
Figure 3. Results of cognitive mapping of the lexeme "Russian"

Полученные результаты выступают во многом аналогичными, представленным на Рис. 2, однако численность обращения к отдельным политическим деятелям, государственным атрибутам ниже: *российское государство, российская страна, российский престол, российские подданные, российские корабли, российский лозунг.*

Абсолютное большинство топонимов связано с описанием территорий, которые передаются Швецией российской короне, например:

провинции: *Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена*, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан, с городами и крепостями: *Ригой, Дюнаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами Эзель, Дагои Меном* — т. е. в данном случае употребление топонимов объясняется необходимостью конкретизации сути соглашения, точного описания территорий, которые отныне переходят под власть российской короны.

Принимая во внимание результаты фоносемантического анализа, представляется возможным выявить оценивание концепта как (+1) позитивное, (0) нейтральное, (-1) негативное (Steibel, Marinkova 2013). При этом, если в качестве средств репрезентации позитивной (+1), негативной (-1) оценки выступают лексические единицы, в семантике которых представлены позитивные/отрицательные значения, в качестве нейтральных кодируются топонимы, в которых одновременно представлены и позитивные, и негативные оценки (Steibel, Marinkova 2013). Количественное распределение топонимов на основании учета оценочности восприятия представлено в Табл. 3:

Таблица 4. Распределение единиц на основании учёта критерия оценочности (по результатам ФС анализа)

Table 4. Distribution of units based on the evaluation criterion (based on the results of FS analysis)

Позитивная (+)	Негативная (—)	Нейтральная (0)
Выборг, Эзель, Эстляндия, Равель, Далерн, Нарва, Рига, Россия, эстляндский, Амстердам, Аренсбург, Берлин, Брауншвейг, Виллаиоки, выборгский, Даго, Дерпт, Дюнаминд, Ингерманландия, Карелия, курляндский, Лапстранд, Лондон, Куду Макуба, Порозрви	Швеция, шведский, венденский, Лифляндия	Свейский, российский, готский, кексгольмский, Финляндия, финляндский, финский, всероссийский, лифляндский, римский, Гамбург, датский, Кексгольм, Лейпциг

Как отражают приведённые результаты, преобладают позитивные и нейтральные оценки, негативной оценочностью отличаются лишь четыре топонима: *Швеция, шведский, Лифляндия и венденский*. Количественное распределение единиц на основании учёта критерия оценочности представлено на Рис. 4:

Результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод о преобладании позитивной оценки при восприятии топонимов, единиц, так или иначе связанных с событиями Северной войны и заключением Ништадтского мира, 59% от проанализированных единиц обладают выраженной позитивной оценочностью, ещё 32% единиц обладают нейтральной оценочностью, вызыва-

³ Классификации подвергались единицы, обладающие оценочностью.

ют одновременно и позитивные, и негативные оценки, т. е. противоречивы. 9% единиц характеризуются негативным восприятием.

Рисунок 4. Распределение единиц на основании учёта оценочности (по результатам ФС анализа)

Figure 4. Distribution of units based on the accounting of appraisal (based on the results of FS analysis)

Обсуждение результатов

Изначально хотелось бы остановиться на выявлении особенностей обращения к историческим личностям, что позволяет сделать вывод, что упоминание имён собственных в текстах в основном отвечает требованиям дипломатического этикета, отражает стремление минимизировать возможности двусмысленной, ошибочной интерпретации условий договорённости, сознательных манипуляций, нарушений, обмана. В то же время акцент внимания на личностях Ульрики Элеоноры Свейской и Карла XII позволяет подчеркнуть древность шведского королевского рода, его связи с королевскими фамилиями Европы, представить себя в качестве наследника Римской империи: «наследниками и потомками свейской короны и королевством свейским и оною так в Римской империи». Подчёркивается связь Королевства с Римской империей, отражающая претензии Швеции на сохранении своего влияния на европейские страны.

Говоря о соотношении численности топонимов, связанных с номинацией договаривающихся стран, большую численность единиц, связанных со Швецией, можно объяснить двумя основными факторами:

1) Швеция являлась проигравшей стороной, соответственно, в договоре тщательно были прописаны обязательства, которые принимала на себя страна, например: *Е.к.в. свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевства Свейского е.ц.в. и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез е.ц.в. оружия от короны свейской завоеванные провинции* — в данном случае множественное обращение к прилагательному «свейский» обусловлено необходимостью повышения точности, документаль-

ности договора, продиктовано практикой заключения подобных договорённостей.

2) Стремлением Швеции как государства «сохранить лицо», что достиглось в том числе и обращением к многочисленным атрибутам государственности, отсылками к древности истории, взаимосвязям с королевскими фамилиями Европы.

Отдельно хотелось бы отметить, что результаты когнитивного картирования отражают тот факт, что шведская сторона акцентирует внимание на трёх королях, которые в той или иной степени принимали участие в событиях Северной войны, российская — на роли «*всероссийского самодержца*» и «*российского генерал-фельдцейгемейстера*», т. е. лиц, непосредственно принимающих участие в обсуждении условий соглашения, любые отсылки к прошлому отсутствуют.

В тексте договора отдельно прописывается невозможность амнистии «российских казаков»:

*Имеет ещё с обеих стран генеральная амнистия и вечное забвение всего того быть, что во время продолжающейся войны ... (окроме тех **российских казаков**, которые свейским оружием следовали) — т. е. в самом тексте соглашения подчёркивается невозможность включения казаков, перешедших на сторону шведов, в «генеральную амнистию».*

Результаты когнитивного картирования дополнительно позволяют сделать ряд выводов:

1) и Швеция, и Россия могут быть представлены как *страны, государства, стороны* (в данном случае – военного конфликта), при этом Швеция может быть представлена как «*свейское королевство*», Россия — ещё не империя, но уже больше, чем царство, что затрудняет поиск формулировки, которая отражала бы особенности правления государством;

2) Швеция в тексте договора может быть представлена как *шведское правление, шведское правительство*, в отношении России особенности правления представлены исключительно *российским престолом*, т. е. уже в тексте данного документа отражается усиление централизации власти, роли царя, императора, единолично принимающего решения и несущего ответственность за них. Для определения шведской стороны характерно упоминание имён королей, акцент на связи с другими королевскими фамилиями Европы, но при этом ответственность делит королевский дом и правительство.

3) В тексте договора отдельно прописана необходимость оказания помощи русским и шведским кораблям, но при этом, в отношении шведских говорится как о военных, так и о купеческих:

Ежели свейские военные или купеческие корабли от штурма погоды и иных случаев при берегах и морских краях Российского государства и ко оному принадлежащими землями на мель попадут или потонут, то имеет от е.и.в. подданных в той нужде сущим всякое верное истинное вспоможение показано — т. е. Швеция отдельно прописывает необходимость защиты своего купечества,

купеческих кораблей. В России купеческие корабли только начинают строиться, необходимость защиты купечества отсутствует. Само строительство купеческого флота в России во многом будет обусловлено подписанием Ништадтского договора и выходом России на мировой рынок.

Говоря об особенностях употребления топонимов, следует отметить, что большая часть из них связана непосредственно с территориями, выступающими объектом соглашения между Россией и Швецией, но ряд из них затрагивает другие европейские страны: в частности, текст соглашения апеллирует к немецким (в современном понимании) городам: *Берлин, Брауншвейг, Лейпциг, Гамбург*; нидерландскому — *Амстердам*, английскому — *Лондон*. Большинство приведённых употреблений связано с процедурой выплаты Россией Швеции денежных средств через немецкие, английские и др. банки. В России банковской системы ещё не существовало, обращение к номинации английских, немецких банков было обусловлено объективно существующими реалиями.

В то же время в тексте договора отдельно упоминается прилагательное «*великобританский*»:

От страны е.к.в. свейского також е.к.в. великобританское в сей мирный трактат включается — условия Ништадтского договора подчёркивают, что военные действия прекращаются не только со стороны России и Швеции, но и стран, поддерживающих одну из конфликтующих сторон. В данном случае наглядно отображено, что Северная война в той или иной степени затронула не только Россию и Швецию, не только прибалтийские (в современном понимании), но и другие европейские страны, в том числе островную Великобританию. Текст договора наглядно отображает усиление роли, значения России не только в Прибалтике, но и на мировой арене, превращение государства, как минимум, во влиятельную в военном и дипломатическом отношении державу, позволяет подтвердить сформулированную гипотезу исследования:

H2: текст Ништадтского соглашения отражает усиление роли и значения России на международной арене, что находит своё отражение в особенностях вербального оформления документа.

Результаты фоносематического анализа позволяют сделать вывод о преобладании позитивного восприятия лексем, очерчивающих географический охват соглашения. При этом, негативной оценочностью отличаются лексемы, связанные со Швецией, шведским, преимущественно негативное восприятие отличает и устаревшую номинацию «свейский», лишь значение «быстрый» не позволяет однозначно отнести её к группе с негативной оценкой. Сегодня сложно сказать, отличало ли негативное восприятие всего, связанного со Швецией, во время подписания Ништадтского договора или, наоборот, сам негативизм выступает следствием Северной войны.

Интересным представляется восприятие Лифляндии как «тихой и медлительной, при этом всё лифляндское оценивается как «слабое, тихое, хилое».

Римское воспринимается как что-то «слабое и маленькое», подобное оценивание в русской культуре кардинально отличается от представленного в шведском дискурсе, в частности, в тексте документа подчёркивается связь Королевства с Римской империей, что позволяет сделать вывод, что последняя оценивается шведскими подписантами как великая империя.

Финляндия и всё финское воспринимается как нечто нежное, но при этом сложное, тёмное, трусливое, тусклое, печальное.

При этом большая часть номинаций присоединённых к Российской империи территорий вызывает позитивные ассоциации: Рига, Выборг, Нарва, Дюнаминд, Дерпт, Ингерманландия, Карелия и т. д. Исключение составляет Кексгольм, который может восприниматься как нечто плохое, трусливое, хилое, тусклое.

Интересным представляется восприятие всего, связанного с российским: российский и всероссийский — это что-то шероховатое, маленькое, быстрое. При этом Россия — величественная, мужественная, сильная, холодная, храбрая, могучая, яркая. Т. е. получается, что страна величественная и могучая, а все, к ней относящееся — маленькое и шероховатое.

В целом результаты, полученные в процессе применения современных методов исследования к изучению исторического документа, позволяют сделать вывод, что Ништадтский мир стал важным шагом для дальнейшего становления Российской империи, текст документа выступает отражением усиления роли царя, императора в процессе принятия внутривнутриполитических и внешнеполитических решений.

Результаты количественного анализа позволяют сделать вывод, что география охват соглашения охватывает не только территорию, выступающую объектом договора, но выходит за рамки двусторонних переговоров. Иными словами, особенности вербального оформления текста соглашения отражают изменение роли России в мире.

Результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод о преимущественно позитивном восприятии номинаций географических объектов, которые были присоединены к России в результате Ништадтского мира.

Применение совокупности методов исследования позволяют подтвердить результаты многочисленных исследований, проведённых ранее и, как следствие, подтвердить сформулированную гипотезу:

Н1: применение современных методов исследования к изучению исторических документов позволит подтвердить результаты исследований, проведённых ранее, посредством приведения новых данных.

* * *

Переоценить роль и значение Ништадтского договора для дальнейшего усиления России, становления Российской империи невозможно. Начиная с периода военных действий Северная война неоднократно выступала объектом науч-

ных рефлексий, в то же время, как отражает анализ теоретических источников, на сегодняшний день изучение текста документа с применением современных методов политических исследований не осуществлялось.

Целью исследования выступало изучение текста Ништадтского договора на основании применения контент-анализа, компьютерных методов анализа текста.

В процессе исследования использовался контент-анализ, когнитивное картирование, фоносемантический анализ.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, прежде всего, об усилении центральной власти, роли царя, который принимает внутривнутриполитические и внешнеполитические решения, несёт полную ответственность за них, что проявляется в снижении численности номинаций политических деятелей. В данном аспекте характер управления Россией существенно отличается от шведского: текст договора отражает обращение к трём шведским королям, так или иначе связанным с Северной войной, участие шведского правительства в принятии управленческих решений.

Анализ исторического документа позволяет сделать вывод, что соглашение содержит тщательное описание границ между странами, территорий, что приводит к функционированию в тексте многочисленных топонимов-номинантов географических объектов. В то же время наибольшая численность лексем, связанных с территориальным положением, относится непосредственно к договаривающимся сторонам — Швеции и России.

Результаты контент-анализа позволяют сделать вывод об усилении роли России на международной арене, что приводит к обращению к номинациям других европейских городов, географических объектов.

Результаты фоносемантического анализа позволяют говорить о негативном восприятии Швеции, шведского, свейского в сознании россиян, при этом практически все территории, которые в результате Ништадтского мира перешли России, обладают позитивной оценочностью.

Разумеется, полученными результатами все особенности текста соглашения, а также применения современных методов политологических исследований к изучению исторических документов не ограничиваются, работа в данном отношении должна быть продолжена: с одной стороны, представляется целесообразным осуществить изучение текста договора посредством внедрения дополнительных методов, с другой — осуществить исследование иных исторических документов на основании применения методологического инструментария.

Об авторе:

Ольга Владимировна Лебедева – доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327

Received: November 07, 2021

Accepted: December 02, 2021

The Nystad Peace and its Role in the Formation of Russian Statehood from 1721 to 1917

O.V. Lebedeva

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-49-70](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-49-70)

MGIMO University

Abstract: The article is devoted to studying the role and significance of the Nystad Peace as a historical document reflecting the strengthening and importance of Russia in the world arena.

The article studies the document's text using modern methods of political science research: content analysis, cognitive mapping, phonosemantic analysis. It shows that the Treaty of Nystad reflects the features of the formation of the internal political system of Russia, witnessed in the use of anthroponyms. It also reflects the features of the historical development of Russia: its gradual transformation into an empire, the absence of a banking system, merchants as an estate, a merchant fleet. The analysis of the document allows us to conclude that the agreement regulates interactions not only between Russia and Sweden but contains references to other European countries. It speaks of Russia's strengthening role in the international arena, not so much in the military but also in diplomatic terms. It is reflected in the ways the agreement is verbalized.

The results of the phonosemantic analysis show a positive perception of the toponymy of geographic entities annexed to Russia under the terms of the Nystad Peace. At the same time, the perception of Sweden and everything Swedish is characterized by negativism. Nystad peace was vital for the development of Russia, its transformation into an empire, into an influential military force, for the modernization of the domestic governance system, the creation of new social institutions and practices, and the strengthening of domestic diplomacy.

Keywords: The Northern Union, Peter I, the Nystad Peace Treaty, Sweden, Russia

About the author:

Olga V. Lebedeva – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations (University).

E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflicts of interests.

References:

Bengtsson F. G. 1960. *The Life of Charles XII, King of Sweden, 1697-1718*. London: Macmillan.

Steibel F., Marinkova M. 2013. Positive, Negative or Neutral? The “Appraisal” Variable in Content Analyses Studies of the Media. *E-Compós*. 16(2). DOI: 10.30962/ec.v16i2.928

Artamonov V.A. 1990. *Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709-1714)* [Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth after the Poltava Victory (1709-1714)]. *Otv. red. G. A. Nekrasov; AN SSSR, In-t istorii SSSR*. Moscow: Nauka. 205 p. (In Russian)

Artamonov V.A. 2007. *Kalishskaya bataliya 18 oktyabrya 1706 g. K 300-letiyu pobedy konnicy generala A.D. Menshikova* [Kalish Battle on October 18, 1706 To the 300th Anniversary of the Victory of the Cavalry of General A.D. Menshikov]. Moscow: Cejhgauz. 51 p. (In Russian)

Artamonov V.A. 2008. *Mat' Poltavskoj pobedy. Bitva pri Lesnoj. K 300-letiyu pobedy Petra Velikogo pri Lesnoj* [Mother of the Poltava Victory. The Battle of Lesnaya. To the 300th Anniversary of the Victory of Peter the Great at Lesnaya]. *Rossijskaya akad. nauk, In-t Rossijskoj istorii*. Saint Petersburg: O-vo pamyati igumenii Taisii. 206 p. (In Russian)

Bahlov I.V., Napalkova I.G. 2011. Praktika razrabotki kompleksnogo prikladnogo politologicheskogo issledovaniya (na primere teme «Politicheskie mekhanizmy territorial'nogo upravleniya v sovremennoj Rossii») [The Practice of Developing a Comprehensive Applied Political Science Research (on the Example of the Topic «Political Mechanisms of Territorial Administration in Modern Russia»)]. *Integraciya obrazovaniya*. №3. P. 14-20. (In Russian)

Baskakov V.I. 1890. *Severnaya vojna 1700-1721 gg.: Kampanii ot Grodna do Poltavy 1706-1709 gg.* [The Northern War of 1700-1721: Campaigns from Grodno to Poltava 1706-1709]. Saint Petersburg: skl. izd. u avt. 263 p. (In Russian)

Bespalov A.B. 2008a. *Krestnyj put'. Poteri oficerskogo korpusa armii SHvecii v srazhenii pod Poltavoj 27 iyunya 1709 goda* [The Way of the Cross. Losses of the Swedish Army Officer Corps in the Battle of Poltava on June 27, 1709]. Moscow: AGPS MCHS RF. (In Russian)

Bespalov A.B. 2008b. *Uroki Gemauertgofa* [Gemauerthoff Lessons]. *Rejtar*. №36. (In Russian)

Bespalov A.B. 2008v. *Fraushtadskij manevr 2/3 fevralya 1706 g.* [Fraustadsky Maneuver. February 2/3, 1706]. *Nauchno-tehnicheskij sbornik*. №34., ch. 1. P. 32-37. Moscow: VI (IV) OA VS RF. (In Russian)

Bespalov A.B. 2019. *Karl XII – pocherk polkovodca* [Charles XII – the Handwriting of the Commander]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. №35. P. 8-16. (In Russian)

Bespalov A.B. *Bitva pri Hel'singborge 27/28 fevralya 1710 g.* [Battle of Helsingborg February 27/28, 1710]. *Nauchno-tehnicheskij sbornik*. №34., ch. 1., S. 22-27. Moscow: VI (IV) OA VS RF. (In Russian)

Bobrovskij P.O. 1881. *Staroshvedskoe voennoe pravo* [Old Swedish Military Law]. Saint Petersburg: Mamontov i Ko. 38 p. (In Russian)

Grigor'ev B.N. 2006. *Karl XII, ili pyat' pul' dlya korolya* [Charles XII, or Five Bullets for the King]. Moscow: Molodaya gvardiya. 547 p. (In Russian)

Ivanyuk S.A. 2016. *Furazhirovka kak element vedeniya maloj vojny russkoj armiej na pervom etape Severnoj vojny (1706-1707 gg.)* [Foraging as an Element of the Conduct of a Small

War by the Russian Army at the First Stage of the Northern War (1706-1707)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Tom 8. P. 439-471. (In Russian)

Iz rannej istorii shvedskogo naroda i gosudarstva: pervye opisaniya i zakony [From the Early History of the Swedish People and State: the First Descriptions and Laws]. 1999. Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t, Rossijsko-shvedskij centr; otv. red. i sost. A. A. Svanidze. Moscow: Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t. 332 p. (In Russian)

Kosharnaya G.B., Kosharnyj V.P. 2016. Triangulyaciya kak sposob obespecheniya validnosti rezul'tatov empiricheskogo issledovaniya [Triangulation as a Way to Ensure the Validity of Empirical Research Results]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region*. Obshchestvennye nauki. 2(38). P. 117-122. (In Russian)

Krotov P.A. 2004. *Sovershennyj kamen' vo osnovanie Sankt-Peterburha» (Poltavskaya bitva: nekotorye itogi i perspektivy izucheniya)* [The Perfect Stone for the Foundation of St. Petersburg. (The Battle of Poltava: Some Results and Prospects of Study)]. Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy. Materialy pyatoy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii. Saint Petersburg: P. 74-83. (In Russian)

Krotov P.A. 2009. *Bitva pri Poltave. K 300-letnej godovshchine* [The Battle of Poltava. For the 300th Anniversary]. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustraciya. 414 p. (In Russian)

Krylova T.K. 1940. Franko-russkie otnosheniya v pervoj polovine Severnoj vojny [Franco-Russian Relations in the First Half of the Northern War]. *Istoricheskie zapiski*. Moscow. T. 7. P. 115-148. (In Russian)

Krylova T.K. 1942. Rossiya i «velikij soyuz» [Russia and the «Great Union»]. *Istoricheskie zapiski*. №13, P. 84-129. (In Russian)

Krylova T.K. 1946. Diplomatičeskaya podgotovka vstupleniya russkoj armii v Pomeraniyu v 1711 godu [Diplomatic Preparation of the Entry of the Russian Army into Pomerania in 1711]. *Istoricheskie zapiski*. T. 19. P. 17-62. (In Russian)

Mitina O.V., Evdokimenko A.S. 2010. Metody analiza teksta: metodologicheskie osnovaniya i programmnaya realizaciya [Methods of Text Analysis: Methodological Foundations and Software Implementation]. *Psihologiya. Psihofiziologiya*. Vyp. 11. P. 29-38. (In Russian)

Myshlaevskij A.Z. 1893. Severnaya vojna na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrah v 1708-1714 godah [The Northern War at the Ingermanland and Finnish Theaters in 1708-1714]. *Dokumenty gosudarstvennogo arhiva: Sbornik voenno-istoricheskikh materialov*. T. 5. Izdanie voenno-uchenogo Komiteta Glavnogo Shtaba. Saint Petersburg: Voen. tip. Gl. shtaba. 486 p. (In Russian)

Myshlaevskij A.Z. 1896. Petr Velikij: *Vojna v Finlyandii v 1712-1714 goda* [Peter the Great: The War in Finland in 1712-1714]. Sovmest. operaciya suhoput. armii, galer. i korabel. flotov. Saint Petersburg: Voen. tip. 668 p. (In Russian)

Nishtadtskij mirnyj dogovor mezhdru Rossiej i Shveciej. 30 Avgusta 1721 g. [The Nystad Peace Treaty between Russia and Sweden. August 30, 1721]. 1992. Pod styagom Rossii: Sbornik arhivnyh dokumentov. Moscow: Russkaya kniga. P. 118-131. (In Russian)

Novoe prostranstvo mirovoj politiki: vzglyad iz SSHA [The New Space of World Politics: a View from the USA]. 2011. *Analiticheskie doklady IMI*. 6(30). Moscow: MGIMO-University. 136 p. (In Russian)

Rostunov I.I. 1987. *Istoriya Severnoj vojny 1700-1721 gg.* [History of the Northern War of 1700-1721]. Moscow: Nauka Yazyk. 217 p. (In Russian)

Tatarnikov K.V. 2008. *Russkaya polevaya armiya 1700-1730. Obmundirovanie i snaryazhenie* [The Russian Field Army 1700-1730. Uniforms and equipment]. Moscow: Lyubimaya kniga. 352 p. (In Russian)

Vozgrin V.E. 1986. *Rossiya i evropejskie strany v gody Severnoj vojny: istoriya diplomaticheskikh otnoshenij v 1697-1710 g.g.* [Russia and European Countries during the Northern War: the History of Diplomatic Relations in 1697-1710]. Отв. ред. Е.В. Анисимов; АН СССР, Ин-т истории СССР. Ленинградское отд-ние. Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние. 296 p. (In Russian)

Zhuravlev A.P. 1991. *Zvuk i smysl* [Sound and meaning]. Moskva: Prosveshchenie. 160 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Артамонов В. А. 2007. *Калишская баталия 18 октября 1706 г. К 300-летию победы конницы генерала А. Д. Менишикова*. Москва: Цейхгауз. 51 с.

Артамонов В. А. 2008. *Мать Полтавской победы. Битва при Лесной. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной*. Российская акад. наук, Ин-т Российской истории. Санкт-Петербург: О-во памяти игумении Таисии. 206 с.

Артамонов В. А. 1990. *Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714)*. Отв. ред. Г. А. Некрасов; АН СССР, Ин-т истории СССР. Москва: Наука. 205 с.

Баскаков В. И. 1890. *Северная война 1700–1721 гг.: Кампании от Гродна до Полтавы 1706–1709 гг.* Санкт-Петербург: скл. изд. у авт. 263 с.

Бахлов И.В., Напалкова И. Г. 2011. Практика разработки комплексного прикладного политологического исследования (на примере темы «Политические механизмы территориального управления в современной России»). *Интеграция образования*. №3. С. 14–20.

Беспалов А.В. 2019. Карл XII — почерк полководца. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. №35. С. 8–16.

Беспалов А.В. 2008а. *Крестный путь. Потери офицерского корпуса армии Швеции в сражении под Полтавой 27 июня 1709 года*. Москва: АГПС МЧС РФ.

Беспалов А.В. 2008б. Уроки Гемауэртгофа. *Рейтар*. №36 (3/ 2007 г.).

Беспалов А.В. Битва при Хельсингборге 27/28 февраля 1710 г. *Научно-технический сборник*. №34., ч. 1., С. 22–27. Москва: ВИ (ИВ) ОА ВС РФ.

Беспалов А.В. 2008в. Фрауштадский маневр 2/3 февраля 1706 г. *Научно-технический сборник*. №34., ч. 1., С. 32–37. Москва: ВИ (ИВ) ОА ВС РФ.

Бобровский П.О. 1881. *Старошведское военное право*. Санкт-Петербург: Мамонтов и Ко. 38 с.

Возгрин В.Е. 1986. *Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 г.г.* Отв. ред. Е. В. Анисимов; АН СССР, Ин-т истории СССР. Ленинградское отд-ние. Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние. 296 с.

Григорьев Б.Н. 2006. *Карл XII, или пять пуль для короля*. Москва: Молодая гвардия. 547 с.

Журавлев А.П. 1991. *Звук и смысл*. Москва: Просвещение. 160 с.

Иванюк С.А. 2016. Фуражировка как элемент ведения малой войны русской армией на первом этапе Северной войны (1706–1707 гг.). *История военного дела: исследования и источники*. Том 8. С. 439–471.

Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. 1999. Российский гос. гуманитарный ун-т, Российско-шведский центр; отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т. 332 с.

Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. 2016. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2(38). С. 117–122.

Кротов П.А. 2004. Совершенный камень во основание Санкт-Петербурга» (Полтавская битва: некоторые итоги и перспективы изучения). *Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной Международной конференции*. Санкт-Петербург: С. 74–83

Кротов П.А. 2009. *Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине*. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 414 с.

Крылова Т.К. 1940. Франко-русские отношения в первой половине Северной войны. *Исторические записки*. Москва. Т. 7. С. 115–148

Крылова Т.К. 1942. Россия и «великий союз». *Исторические записки*. №13, С. 84–129

Крылова Т.К. 1946. Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 году. *Исторические записки*. Т. 19. С. 17–62.

Митина О.В., Евдокименко А.С. 2010. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация. *Психология. Психофизиология*. Вып. 11. С. 29–38.

Мышлаевский А.З. 1893. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 годах. *Документы государственного архива: Сборник военно-исторических материалов*. Т. 5. Издание военно-ученого Комитета Главного Штаба. Санкт-Петербург: Воен. тип. Гл. штаба. 486 с.

Мышлаевский А.З. 1896. *Пётр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 года: Совмест. операция сухопут. армии, галер. и корабел. флотов*. Санкт-Петербург: Воен. тип. 668 с.

Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией. 30. Августа 1721 г. (1992) *Под стягом России: Сборник архивных документов*. Москва: Русская книга. С. 118–131.

Новое пространство мировой политики: взгляд из США. 2011. *Аналитические доклады ИМИ*. 6(30). Москва: МГИМО-Университет. 136 с.

Ростунов И.И. 1987. *История Северной войны 1700–1721 гг.* Москва: Наука Язык. 217 с.

Татарников К.В. 2008. *Русская полевая армия 1700–1730*. Обмундирование и снаряжение. Москва: Любимая книга. 352 с.

Эрикссон П. (2009). Шведские историки о Карле XII и Великой Северной войне. *Новая и новейшая история*. № 4. С. 8–27.